

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2016»

Москва, 1–4 июня 2016

ВИДОВЫЕ ПАРЫ, СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И КРИТЕРИЙ МАСЛОВА

Урысон Е. В. (uryson@gmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Ключевые слова: русский глагол, видовая пара, критерий Маслова, лексическое значение, грамматическое значение, слабый семантический компонент, актуально-длительное значение несовершенного вида, полисемия

ASPECTUAL PAIRS, SEMANTIC THEORY AND MASLOV CRITERION

Uryson E. V. (uryson@gmail.com)

Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

The paper deals with Russian aspectual pairs like *umirat'*—*umeret'*, *risovat'*—*narisovat'* (but not *obizhat'sa*—*obidet'sa*). The imperfective verb in a pair designates a process or an action, while the perfective verb designates the “resulting event” completing the process / action. It is well known that in some diagnostic contexts the imperfective member of a pair substitutes its perfective correlate and thus designates an event (Maslov criterion). It will be demonstrated that this substitution is due to certain semantic components in the lexical meaning of a verb. For this purpose the progressive meaning of imperfective verbs will be analysed. We will argue that the component ‘the resulting event’ is a part of meaning both of a perfective verb and the imperfective one in an aspectual pair. Status of this component in the lexical meaning of an imperfective verb will be discussed. Maslov’s diagnostic contexts will be observed. A criterion for determining the imperfective correlate to a given perfective verb in some controversial cases (cf. *est'* / *s'edat'*—*s'est'*) will be suggested in addition to Maslov criterion.

Key words: Russian verb, aspectual pairs, Maslov criterion, lexical meaning, grammatical meaning, weak semantic component, progressive meaning of an imperfective verb, polysemy

0. Объект и цель работы

Объект работы — русские видовые пары, в которых глагол НСВ обозначает действие или процесс, а глагол СВ выражает «достижение предела»; ср. *умирать* — *умереть*, *рисовать* — *нарисовать*, *ловить* — *поймать* и т. п. Таким образом, исключены из рассмотрения пары типа *обижаться* — *обидеться*, *возглавлять* — *возглавить* с иным семантическим соотношением глаголов СВ и НСВ.

Глагол рассматривается в каждом значении отдельно. Следовательно, видовая пара определяется для глагола в его конкретном значении, или, в соответствии с терминологией московской семантической школы, — для глагольной лексемы. Нас будет интересовать организация лексического значения глагола НСВ в сопоставлении с парным ему глаголом СВ.

Основная цель работы — показать, что эффективным инструментом верификации семантического описания глагола является критерий Маслова.

Поясним постановку задачи.

Семантическая теория стремится определить видовую пару исходя из значения глаголов НСВ и СВ: «чисто видовыми считаются пары глаголов, члены которых не выражают никаких семантических различий, кроме видовых» (Гловинская 1984: 24). В самом общем виде, глагол СВ (V1) и глагол НСВ (V2) образуют видовую пару, если лексическое значение глагола V1 тождественно лексическому значению глагола V2, а видовое значение СВ глагола V1 и видовое значение НСВ глагола V2 различаются строго определенным образом. Следовательно, для семантического определения видовой пары требуется располагать достаточно точными экспликациями лексической и видовой семантики глаголов. Однако такие экспликации предложены далеко не для всех глаголов, а имеющиеся семантические описания не всегда бесспорны.

Критерий Маслова тоже определяет видовую пару, но является операционным: он позволяет установить видовую пару, исходя из дистрибуции ее членов, т. е. парных глаголов СВ и НСВ, в определенных диагностических контекстах. По Ю. С. Маслову, глагол СВ (V1) и глагол НСВ (V2) образуют видовую пару, если при строго определенной трансформации контекста глагол СВ (V1) обязательно заменяется на глагол НСВ (V2). Например, глагол СВ автоматически заменяется на глагол НСВ «при переводе повествования из плоскости прошедшего времени в плоскость настоящего исторического» [Маслов 2004 / 1948: 76]. Ср. *Я съел суп и выкурил папиросу. VS. Я съедаю суп и выкуриваю папиросу.*

Обнаруженная Ю. С. Масловым дистрибуция членов видовой пары в диагностических контекстах имеет семантическую подоплеку: при описанной трансформации контекста «лексическая семантика глагола принципиально не должна подвергаться ни малейшему изменению» [Там же]. Именно поэтому «обратимость данного глагола СВ в тот или иной глагол НСВ при переводе повествования в плоскость исторического настоящего может служить надежным признаком парности этих двух глаголов, а необратимость — признаком того, что данные два глагола не составляют видовой пары» [Там же].

Мы попытаемся выявить лексическое значение парного глагола НСВ. На основе этого описания будет предложен критерий выбора глагола НСВ в качестве парного коррелята к глаголу СВ в некоторых спорных случаях, для которых критерий Маслова не дает однозначного решения.

Работа имеет следующую структуру.

В разделе 1 рассматривается актуально-длительное значение парного глагола НСВ. Демонстрируется, что один из основных компонентов этого значения требует обоснования, причем наличие данного компонента естественно верифицируется с помощью критерия Маслова. В разделе 2, на основе выводов раздела 1, обсуждается организация лексического значения парного глагола НСВ. В разделе 3 формулируется критерий выбора глагола НСВ в качестве члена видовой пары в некоторых спорных случаях. Предлагаемый критерий является дополнением критерия Маслова.

Ряд вопросов остается за пределами нашего исследования. Это, прежде всего, вопрос о статусе грамматической категории вида в русском языке (словоизменяемая vs. словоклассифицирующая / словообразовательная) и вытекающий из этого вопрос о статусе в системе языка имперфективации vs. перфективации как способа образования видового коррелята. Обзор разных точек зрения по этой проблематике см. в работах [Горбова 2011; 2014; 2015]. В работе не затрагиваются и некоторые семантические проблемы, в частности, вопрос о «семантическом согласовании» значения приставки с остальной частью глагольной основы, а также вопрос о степени семантической близости приставочных производных друг к другу и к производящему глаголу [Janda 2007; Janda, Lyashevskaya 2011; Янда 2012; Janda et al. 2013].

1. Актуально-длительное значение НСВ и критерий Маслова

Хорошо известно, что актуально-длительное значение занимает привилегированное положение в иерархии частных значений НСВ. «Каждое частное значение НСВ требует для своей реализации того или иного контекста. Как пишет про частные видовые значения А. В. Бондарко, это “значения, выражаемые видом в сочетании с контекстом” (Грамматика 1980, т. 1: 604). Для актуально-длительного значения этот контекст минимальный, и в этом смысле оно является первичным. Для остальных значений толкование получается из толкования первичного значения как следствие изменения контекста» [Падучева 1996: 11]. Поэтому анализ семантики глагола НСВ естественно начать с актуально-длительного значения.

Рассмотрим толкование актуально-длительного значения НСВ, предложенное А. Вежбицкой [Wierzbicka 1967] для обозначений процессов, ср. *умирать*. По А. Вежбицкой, в толкование парного глагола НСВ, обозначающего процесс, в актуально-длительном значении входит указание на этот процесс, а кроме того импликация (упрощенно): если данный процесс дойдет до конца, то наступит новое состояние; это новое состояние обозначается парным глаголом СВ. Приведем толкование глагола *умирать* (в несколько модифицированном виде и с уточнением Т. В. Булыгиной [Булыгина 1983]):

- (1) *Ян умирает* [актуально-длительное] 'Ян близок к смерти и последовательно проходит состояния такого ряда состояний, что если он пройдет все состояния этого ряда, то наступит событие: Ян умер'.

В обобщенном виде (ср. [Падучева 1996: 18]):

- (2) 'Имеет место процесс Р; если Р не кончится преждевременно, то будет иметь место результирующее событие Q'.

Аналогичным образом можно толковать и глаголы НСВ, обозначающие действия, ср. *рисовать*. Действия предполагают цель, причем если действие не прекратится до определенного момента, то будет иметь место событие: цель достигнута. Это событие обозначается парным глаголом СВ. Ср. *Рисовал дерево, рисовал и постепенно его нарисовал*. Такие глаголы НСВ содержат следующий обобщенный компонент (ср. [Падучева 1996: 16–19]):

- (3) 'Субъект действует с целью Р; если действие не прекратится преждевременно, то будет иметь место результирующее событие Q'.

Как отмечается, в частности, в книге [Гловинская 2001], действия типа *рисовать* предполагают «накопление результата» и этим сближаются с процессами типа *умирать*, *выздоровливать*. Другие парные глаголы НСВ предполагают «моментальное достижение цели», ср. *ловить* и его парный коррелят *поймать*: невозможно **Ловил бабочку, ловил и постепенно поймал ее*. Очевидно, однако, что компонент (3) присутствует и в толковании глаголов типа *поймать*.

Итак, в рассматриваемых видовых парах глагол СВ выражает результирующее событие — «достижение предела», а глагол НСВ содержит в толковании импликацию, указывающую, при каком условии предел будет достигнут, т. е. при каком условии будет иметь место результирующее событие. Покажем, что импликацию Вежбицкой выражают лишь те парные глаголы НСВ, которые удовлетворяют критерию Маслова.

Возьмем глагол *искать*. Семантически он сближается с глаголом *ловить*: оба глагола предполагают цель (*найти* и *поймать* соответственно), причем эта цель достигается моментально, без «накопления результата» (поэтому невозможно ни **постепенно* <*медленно> *найти монету*, ни **постепенно* <*медленно> *поймать зайца*). Естественно думать, что если импликация Вежбицкой справедлива для ситуации ловли и глагола *ловить*, то, наверно, она справедлива и для ситуации поиска и глагола *искать*. Действительно, ничто не мешает считать, что если субъект не прекратит свои действия, то рано или поздно он поймает того, кого ловит, или найдет тот объект, который ищет. Ср. известные строки: *Кто ищет, тот всегда найдет*. Если это так, то *искать* и *найти* — это такая же видовая пара, что и *ловить* — *поймать*. Такое решение принимается, например, в книге [Гловинская 2001: 107].

Обратимся, однако, к критерию Маслова. Глагол *ловить* в некоторых контекстах может обозначать событие 'поймать'. Ср. *Он поймал фазана и получил*

вознаграждение [глагол СВ *поймать* обозначает событие] и *Он ловит фазана и получает вознаграждение* [настоящее историческое, глагол НСВ *ловить* обозначает событие 'поймать']. Глагол *ловить* может обозначать событие 'поймать' и в контексте сценической ремарки, ср. *Ловит птицу и уходит*. Наконец, этот глагол может обозначать событие в контексте многократности, ср. *Я много раз ловил таких птиц*. Что касается глагола *искать*, то он «ни при каких обстоятельствах не может иметь значения *найти*» [Маслов 1948: 313], почему и является непарным. Различное поведение глаголов *ловить* и *искать* в масловских контекстах требуется интерпретировать. Предлагаем следующую предварительную трактовку фактов.

Глагол *ловить* содержит в своей семантике указание на результирующее событие 'поймать'. В частности, в актуально-длительном значении глагол *ловить* включает импликацию Вежицкой, содержащую это указание. В настоящем историческом, в контексте сценической ремарки, в многократном контексте, а также в контексте, предполагающем общефактическое значение НСВ, это указание сохраняется — но уже в составе не импликации Вежицкой, а какого-то другого выражения.

Что касается глагола *искать*, то в актуально-длительном значении он не выражает импликации (2). В других частных значениях НСВ этот глагол тоже не указывает ни на какое событие. Поэтому естественно считать, что глагол *искать* не содержит в своей семантике указания на результирующее событие, и в этом заключается его кардинальное отличие от *ловить*.

Обратим, однако, внимание на то, что импликация (2), взятая безотносительно к конкретному глаголу, в точности соответствует нашему мироощущению, нашему общему представлению о действительности. Это представление «абстрагировано от конкретных ситуаций и связано с самыми абстрактными общими типами ситуаций или некоторыми общими принципами, отражающими мироощущение человека. Один из этих принципов утверждает: “Целенаправленное действие приводит к успеху”» [Санников 1989: 156]. Данный принцип был сформулирован В. З. Санниковым для описания употребления союзов *и* и *но*. Похожая «аксиома действительности» сформулирована в работе [Мартемьянов, Дорофеев 1983], посвященной анализу мира и человека на материале «Максим» Ларошфуко. Это совпадение неслучайно: если какая-то закономерность («аксиома») действительно является фрагментом общего для всех говорящих знания, то она и должна проявляться в самых разных текстах — от «Максим» Ларошфуко до высказываний с сочинительным союзом.

Замечательно, что представление о том, что целенаправленное действие приводит к успеху, закреплено в грамматике русского языка — в видовой системе глагола: многие видовые пары устроены так же, как пара *ловить* — *поймать*. Ср. *делать* — *сделать*, *рисовать* — *нарисовать*, *выгонять* — *выгнать*, *убивать* — *убить*, *прикреплять* — *прикрепить* и т. п. Но все же не все такие глаголы объединяются в пары: так, *искать* и *найти* видовой пары не образуют.

Рассмотрим некоторые аналогичные примеры.

Возьмем пары глаголов *убеждать* — *убедить* и *умолять* — *умолить*. Глаголы имеют сходное значение. Оба глагола НСВ (*убеждать* и *умолять*) обозначают речевое действие, цель которого — воздействовать на адресата так, чтобы

он сделал то, что хочет от него субъект. Ср. *Он убеждал ее уехать* — *Он умолял ее уехать*. Глаголы СВ *убедить* и *умолить* обозначают событие: «цель реализована». Ср. *Он убедил ее уехать* — *Он умолил ее уехать*. Казалось бы, перед нами две видовые пары, устроенные так же, как и пары *делать* — *сделать*, *вышивать* — *вышить* и т. п.

Однако по критерию Маслова видовую пару образуют лишь глаголы *убеждать* — *убедить*, но не *умолять* — *умолить*. Действительно, глагол НСВ *убеждать* в настоящем историческом может обозначать событие ‘убедить’. Ср.

- (4) *Он убеждает ее уехать, а сам остается в Москве.*
(5) *Он приезжает в Москву и убеждает ее уехать с ним. (Они уезжают вместе).*

Глагол *убеждать* может обозначать событие и в контексте многократности, ср.

- (6) *Он несколько раз убеждал ее ехать на красный свет. (В результате ей пришлось заплатить большой штраф)* [каждый раз имело место событие ‘он убедил ее ехать на красный свет’].

Что касается глагола *умолять*, то он в аналогичных (и других) контекстах обозначает только действие и не может обозначать результирующего события, т. е. достижения цели. Для того чтобы убедиться в этом, заменим в (5) глагол *убеждает* на *умоляет*, ср.

- (7) *Он приезжает в Москву и умоляет ее уехать с ним.*

Высказывание (7), в отличие от примера (5), допускает только одно, «процессное» понимание: ‘Он приехал в Москву и умолял ее уехать с ним’. Данный пример не может значить ‘Он приехал в Москву и умолил ее уехать с ним’. Аналогичным образом не имеет «событийного прочтения» и следующее высказывание, в котором глагол *умолять* находится в контексте многократности:

- (10) *Он несколько раз умолял ее ехать на красный свет.*

Следовательно, по критерию Маслова, глаголы *умолять* — *умолить* не образуют видовой пары, а семантически близкие им глаголы *убеждать* — *убедить* являются парными. По нашей интерпретации, глагол *убеждать* содержит в своем толковании импликацию Вежбицкой, а в глаголе *умолять* этого компонента значения нет. Разумеется, общий принцип «Целенаправленное действие приводит к успеху» справедлив и для ситуации ‘умолять’, однако соответствующая семантика в глаголе *умолять* не зафиксирована, при том что она является частью значения глагола *убеждать*.

Еще один пример — глаголы НСВ *течь* и *вытекать* в актуально-длительном значении в контекстах типа

(11) *Из разошедшейся бочки течет вода.*

(12) *Из разошедшейся бочки вытекает вода.*

Понятно, что примеры (11) и (12) ситуативно равнозначны. Очевидно также, что если описываемый процесс не прекратится, то вода из бочки вытечет. Иными словами, для обоих примеров справедлива импликация (2). Однако она является частью значения только глагола *вытекает*, но не глагола *течь*. Действительно, глагол *вытекает* в определенных контекстах может обозначать не процесс, а событие. Ср.

(13) *Вода из бочки вытекает, и нам приходится опять ее наполнять*
[настоящее историческое].

(14) *Вода трижды вытекала из бочки* [контекст многократности].

Что касается глагола *течь*, то он в подобных контекстах может обозначать только процесс. Ср.

(15) *Вода из бочки течет, и нам приходится опять и опять ее наполнять*
[настоящее историческое].

(16) *Вода трижды текла из бочки* [три раза имел место процесс].

Следовательно, глагол *течь* не содержит в своем значении указания на результирующее событие 'вытечь'. Импликация (2) применительно к примеру (11) выражает лишь наше общее представление об устройстве мира.

2. Организация лексического значения выбранных глаголов

До сих пор мы говорили о том, входит или не входит указание на результирующее событие в значение глагола НСВ. Требуется уяснить, является ли этот компонент частью лексического значения глагола или же он относится к видовой семантике, т. е. входит в значение граммы НСВ.

Обратим внимание на то, что указание на результирующее событие всегда входит в семантику глагола СВ: парный глагол СВ и его коррелят НСВ в данном отношении не различаются. Поэтому естественно считать, что указание на результирующее событие входит в лексическое значение обоих глаголов внутри пары.

Правда, в значении глагольной словоформы указание на событие всегда задействовано в видовой семантике. В глаголе НСВ в актуально-длительном значении оно участвует в импликации А. Вежицкой (2), в глаголе НСВ в масловских контекстах это указание входит в состав какого-то другого выражения, в глаголе СВ оно участвует в видовой семантике СВ. Однако в лексическое

значение глагола это указание входит в «чистом виде», не осложненное видовым значением.

Поэтому мы не можем представить лексическое значение глагола как таковое, оставаясь в рамках аналитического толкования глагольной словоформы: «истолковать глагольную основу безотносительно к виду невозможно» [Гловинская 2001: 56–57]. Тем не менее, с теоретической точки зрения вполне допустимо делать выводы о том, какие компоненты входят в лексическое значение глагола, а какие — в значение граммемы вида. Отметим, что указание на событие признается компонентом лексического значения НСВ Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 86 сл.]; противоположной точки зрения придерживается М. Я. Гловинская [Гловинская 2001: 97].

Оказалось, что статус указания на результирующее событие в значении глагола НСВ может быть разным. Покажем это на примерах.

Возьмем глагол НСВ *читать*.

Глагол *читать* обозначает совершившееся событие, например, в настоящем историческом, ср.

(17) *Он прочитал статью и написал отзыв — Он читает статью и пишет отзыв.*

Результирующее событие, предполагаемое глаголом *читать*, таково: ‘субъект прочитал текст’.

Однако глагол *читать* нормально употребляется абсолютивно, ср.

(18a) *Весь день читает.*

(18б) *Что ты делаешь? — Читаю.*

В абсолютивном употреблении глагол *читать* сближается с масловскими глаголами «бесперспективного протекания» — он не указывает на «преддел действия», т. е. не предполагает никакой результирующей ситуации. В частности, *читать* в абсолютивном употреблении не содержит импликации Вежицкой. Следовательно, глагол *читать* указывает на результирующее событие лишь в определенных контекстах (например, при наличии прямого дополнения). В других контекстах это указание снимается.

Подобная организация лексического значения описана Ю. Д. Апресяном (для других классов слов) [Апресян 1990 / 1995: 486; 2004]. В соответствии с этим описанием, некоторые семантические компоненты внутри лексического значения могут подавляться контекстом — такие семантические компоненты называются слабыми, или неустойчивыми. С некоторой долей условности можно считать, что указание на результирующее событие в случае глагола *читать* снимается при абсолютивном употреблении. Тогда это указание является слабым компонентом лексического значения глагола *читать*.

Аналогичную семантическую организацию имеют и другие переходные глаголы, допускающие абсолютивное употребление. Ср. *шить*, *вышивать*,

писать, есть (суп), гладить (белье), стирать, штопать и т.п. Некоторые из них входят в так называемые «аспектуальные тройки»; ср. *читать — прочитывать — прочитать, есть — съедать — съесть* [Апреян 1995; Зализняк А., Микаэлян 2010]. Покажем, как можно использовать информацию о лексическом значении глагола для описания аспектуальных троек¹.

3. Дополнение к критерию Маслова

Рассмотрим поведение некоторых глаголов в масловских контекстах. Ограничимся тремя такими контекстами: настоящим историческим временем, настоящим в сценических ремарках и контекстом многократности². Рассмотрим некоторые примеры и попытаемся их интерпретировать.

Возьмем глагол *есть (суп)*. В актуально-длительном значении он выражает импликацию Вежбицкой, т. е. указывает на возможное результирующее событие. Ср.

(19) *Что ты делаешь? — Ем суп* [если действие не прекратится преждевременно, будет иметь место событие: ‘субъект съел суп’].

В настоящем историческом глагол *есть* может обозначать уже не возможное, а совершившееся, реальное событие, ср.

(21) *Я съел суп, расплатился и пошел к выходу — Я ем суп, расплачиваюсь и иду к выходу.*

Следовательно, в контексте настоящего исторического импликация Вежбицкой в значении глагола *есть* заменяется другим выражением, в состав которого входит указание на совершившееся событие:

(22) ‘Имеет место результирующее событие Q’.

Однако это происходит не всегда: в следующем примере глагол *есть* в контексте настоящего исторического обозначает действие в его протекании и не указывает на реальное событие ‘субъект съел...’. Ср.

¹ Критерий Маслова может служить инструментом для выделения разных значений полисемичного глагола. В настоящей работе этот вопрос не рассматривается.

² Таким образом, мы вслед за А. В. Бондарко [Бондарко 1971], различаем два типа контекстов глагола — внешний и внутренний. Внешний контекст — это контекст глагольной словоформы, например, ее модификаторы, дополнения, однородные ей члены предложения и т.п. Внутренний контекст — это «окружение» собственно лексического значения глагола, т. е. граммы, выражаемые глагольной словоформой, в частности, граммема времени или граммема НСВ в ее частном значении.

(23) *Я сидел в кафе, спокойно ел суп. (Вдруг раздался шум). — Я сижу в кафе, спокойно ем суп. (Вдруг раздается шум).*

Следовательно, импликация Вежбицкой в значении этого глагола в контексте настоящего исторического необязательно заменяется на выражение, содержащее компонент (22).

Не происходит этой замены и в контексте настоящего сценического. Ср.

(24) *Садится, ест суп* [действие в его протекании].

(25) *Садится, быстро ест суп, встает и уходит* [неясно, имело ли место событие 'субъект съел суп'].

В многократном контексте глагол *есть* тоже не указывает на реальное событие 'субъект съел суп', ср.

(26) *Я сегодня уже два раза ел суп.*

Итак, глагол *есть* в определенных контекстах содержит указание на результирующее событие: это событие либо потенциальное (импликация Вежбицкой; ср пример (19)), либо совершившееся (компонент (22), ср. пример (21)). Заметим, что глагол *есть* допускает абсолютное употребление, ср. *Что ты делаешь? — Сижу, ем.* Указание на событие (потенциальное) в таком контексте снимается.

Сравним теперь глаголы *есть* и *съесть*. Глагол *съесть* всегда указывает на событие 'съесть', причем оно имеет (имело или будет иметь) место относительно к каким-либо условиям. Ср.

(27) *Садится, съедает тарелку супа; Он уже два раза съедал весь суп.*

Указание на это событие входит и в значение глагола СВ *съесть*. Естественно считать, что данное указание является компонентом лексического значения обоих глаголов — *съесть* и *съесть*.

Сравним глаголы НСВ *есть* и *съесть* с глаголом СВ *съесть*. Лексическое значение глаголов *есть* и *съесть* содержит общий компонент — указание на событие. Но характеристика этого события, т. е. указание на его потенциальность (ср. импликацию Вежбицкой) или, наоборот, реальность (ср. выражение (22)), является частью видового значения глагола. Что касается глаголов *съесть* и *съесть*, то у них общая часть значения больше: это указание на событие и на его реальность. По критерию Маслова оба глагола НСВ: *есть*, и *съесть* — претендуют на роль видового коррелята глагола СВ *съесть*. Естественно считать, что в случае такой конкуренции в качестве члена видовой пары выбирается тот глагол НСВ, у которого больше общих компонентов значения с глаголом СВ. У глаголов *съесть* — *съесть* таких компонентов больше. К тому же в семантике глагола НСВ *есть* указание на событие является слабым

компонентом. Следовательно, видовую пару образуют глаголы *съесть* — *съесть*, но не *есть* — *съесть*.

Рассмотрим еще один пример. Вернемся к глаголу *читать*, исключив из рассмотрения абсолютивные контексты.

В актуально-длительном значении глагол *читать* выражает импликацию Вежбицкой, т. е. указывает на потенциальное событие. Ср.

(28) *Что ты делаешь?* — *Читаю статью* [если действие не прекратится преждевременно, будет иметь место событие: 'субъект прочитал статью'].

В настоящем историческом глагол *читать* может обозначать совершившееся, т. е. реальное событие 'субъект прочитал статью'. Ср.

(29) *Он прочитал статью и написал отзыв* — *Он читает статью и пишет отзыв*.

Однако это имеет место не всегда: в следующем примере глагол *читать* в контексте настоящего исторического обозначает действие в его протекании, т. е. указывает на потенциальное, а не на реальное событие. Ср.

(30) *Я сидел, спокойно читал статью. (Вдруг зазвонил телефон).* — *Сиж спокойно читаю статью. (Вдруг звонит телефон).*

Аналогичным образом ведет себя глагол *читать* в контексте настоящего сценического. Ср.

(31) *Садится, быстро читает письмо, встает и уходит* [имеет место событие 'субъект прочитал письмо'].

(32) *Садится, читает письмо* [действие в его протекании; указание на потенциальное событие].

Что касается многократного контекста, то в нем глагол *читать* нормально указывает на совершившееся, реальное событие, ср.

(33) *Я несколько раз читал эту статью, но так ничего и не понял; Я много раз читал этот роман.*

Итак, глагол НСВ *читать* не в абсолютивном употреблении содержит указание на результирующее событие: либо потенциальное, либо совершившееся.

Сравним *читать* и *прочитывать*. Последний глагол всегда указывает на реальное событие. Ср.

(34) *Он быстро <спокойно> прочитывает статью.*

Указание на реальное событие входит в значение глагола СВ *прочитать*: это общий компонент лексического значения глаголов *прочитывать* и *прочитать*.

Глаголы *читать* и *прочитать* тоже имеют общий компонент — указание на событие. Однако модальная характеристика этого события, т. е. указание на его потенциальность или, наоборот, реальность, является частью не лексического, а видового значения глагола.

По критерию Маслова оба глагола НСВ: и *читать*, и *прочитывать* — претендуют на роль видового коррелята глагола СВ *прочитать*. Однако у глаголов *прочитывать* и *прочитать* общая часть значения больше: это указание на событие и на его реальность. Поэтому видовую пару образуют глаголы *прочитывать* — *прочитать*, но не *читать* — *прочитать*.

Отметим, что глаголы НСВ *съесть* и *прочитывать* имеют дефектный набор частных видовых значений — в нем отсутствует актуально-длительное значение. На наш взгляд, дефектность набора форм не имеет отношения к определению грамматической категории.

Заметим, что глагол *читать* указывает на совершившееся событие в большем числе контекстов, чем глагол *есть*. Поэтому *читать* в каком-то смысле ближе к *прочитать*, нежели *есть* к *съесть*. Исследование различной степени близости глаголов СВ и НСВ внутри видовой (или предположительно видовой) пары представляет собой отдельную задачу.

Итак, если на роль видового коррелята к глаголу СВ претендуют два глагола НСВ, то в качестве члена видовой пары выбирается тот глагол НСВ, у которого больше семантическая общность с глаголом СВ. В рассмотренных примерах такой глагол НСВ, по-видимому, указывает на совершившееся событие во всех масловских контекстах.

Однако теоретически можно предположить, что из двух претендентов НСВ на роль видового коррелята глагола СВ ни один не обозначает совершившегося события во всех диагностических контекстах. Тогда членом видовой пары естественно считать тот глагол НСВ, который указывает на совершившееся событие в большем числе контекстов. Предлагаемое правило выбора глагола НСВ на роль видового коррелята к глаголу СВ может служить дополнением к критерию Маслова.

Заключение

Продемонстрировано, что операционный критерий Маслова позволяет определить, входит ли в лексическое значение глагола НСВ указание на событие, а также установить, является ли этот компонент значения слабым или сильным. В спорных случаях, когда на роль видового коррелята глагола СВ претендует более одного глагола, естественно выбирать тот глагол НСВ, в лексическом значении которого больше общих элементов с глаголом СВ. Дальнейшая задача состоит в том, чтобы рассмотреть с этой точки зрения разные аспектуальные тройки. Предлагаемый подход может дополнить детальное описание видовых троек, предлагаемое в работе [Зализняк Анна, Микаелян 2010].

Тот факт, что указание на потенциальное событие (импликация Вежицкой) входит не во все глаголы НСВ, обозначающие целенаправленное действие, свидетельствует о том, что семантическое противопоставление 'действовать с целью' — 'цель реализована' не вполне закреплено в системе вида. Это может быть следствием относительной молодости грамматической системы вида (которая проявляется и в морфологии: в богатстве и сложных правила выбора средств, оформляющих видовое противопоставление).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект 16-18-02054).

Литература

1. *Apresyan Yu. D.* (2007), *Lexical semantics [Leksicheskaya semantika]*, Nauka, Moscow.
2. *Apresyan Yu. D.* (1995), *Interpretation of excess aspectual paradigms in an explanatory dictionary [Traktovka izbytochnykh aspektulnykh paradigm v tolkovom slovare]*, Apresyan Yu. D., *Selected works, V. II, Yazyki russkoy kul'yury*, Moscow, pp. 102–113.
3. *Bondarko A. V.* (1971), *Aspect and tense of Russian verb, Prosveshcheniye*, Moscow.
4. *Bulygina T. V.* (1983), *Classes of predicates and aspect characteristics of an utterance [Klassy predikatov i aspektalnaya kharakteristika vyskazyvaniya]*, *Aspect and tense meanings in slavic languages: Workshop proceedings of the Comission on studying grammatical structure of Slavic languages*, Moscow, pp. 20–39.
5. *Glovinskaya M. Ya.* (1984), *On the notion of a pure aspectual pair [K poniatiyu chisto vidovoy pary]*, *Problems of structural linguistics 1982*, Nauka, Moscow, pp. 24–34.
6. *Glovinskaya M. Ya.* (1984), *Polysemy and synonymy in aspect-tense system of Russian verb [Polisemiya i sinonimiya v vido-vremennoy sisteme russkogo glagola]*, *Azbukovnik — Russkie slovori*, Moscow.
7. *Gorbova E. V.* (2011), *Aspectual twoness of Russian verb: problems and solutions [Vidovaya parnost' russkogo glagola: problemy i resheniya]*, *Questions of linguistics*, № 4, pp. 20–45.
8. *Gorbova E. V.* (2014), *Once more about aspect speciation of Russian verb: on inflexion interpretation of aspect [Eshcho raz o vidoobrazovanii russkogo glagola: k slovoizmenitel'noy traktovke vida]*, *Russian Linguistics*, 2014. Vol. 38. № 2.
9. *Gorbova E. V.* (2015), *Aspect speciation of Russian verb: prefixation or suffixation? [Vidoobrazovaniye russoogo glagola: prefiksatsiya ili suffiksatsia?]*, *Questions of linguistics*, № 1. pp. 7–38.
10. *Janda L.* (2007), *Aspectual clusters of Russian verbs*, *Studies in Language*, Vol. 31, No. 3, pp. 607–648.
11. *Janda L., Lyashevskaya O.* (2011), *Aspectual pairs in the Russian national corpus*, *Scando-Slavica*, Vol. 57, No 2, pp. 201–215.
12. *Janda L.* (2012), *Russian prefixes as a system of verb classifiers [Russkie prstavki kak sistema glagolnykh klassifikatorov]*, *Questions of linguistics*, № 6.

13. *Janda L., Endersen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S.* (2013), Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes as verb classifiers, Slavica Publishers Indiana U., Bloomington.
14. *Koschmieder E.* (1962), An outline for study of Polish verb aspects [Oчерk nauki o vidakh polskiego glagola], Questiona of verb aspect, Nauka, Moscow, pp. 159–161 [first ed.: Koschmieder E. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie, Wilno, 1934. S. 97–102].
15. *Martemyanov Yu. S., Dorofeev G. V.*, (1983), A trial for terminologisation of literary language vocabulary: about world of vanity according to Fr. de La Rochefoucauld [Oпыт terminologisatsii obshcheliteraturnoy leksiki: o mire tshcheslaviya po F. De Laroshfuko], Questions of cybernetics: logic of reasoning and it's modeling, Moscow, pp. 38–103.
16. *Maslov Yu. S.* (2004), Verb aspect and lexical meaning in modern Russian literary language [Vid i leksicheskoye znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom yazyke], Maslov Yu. S., Selected works: Aspectology. General linguistics, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, pp. 71–90.
17. *Maslov Yu. S.* (2004), System of concrete aspectual meanings and types of opposition of perfective and imperfective aspects [Sistema chastnykh vidovykh znacheniy I tipy protivopostavleniy sovershennogo i nesovershennogo vidov], Maslov Yu. S., Selected works: Aspectology. General linguistics, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, pp. 96–110.
18. *Zalizniak Anna, Mikaelian I.* (2010), On status of aspectual triples in the Russian aspectual system, [O meste aspektual'nykh troek v vidovoy sisteme russkogo yazyka], Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog 2010" [Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii "Dialog 2010"], Iss. 9 (16), Bekasovo, pp. 130–136.
19. *Paducheva E. V.* (1996), Semantic researches (Semantics of aspect and tense in Russian; Semantics of narrative) [Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vida i vremeni v russkom yazyke; Semantika narrativa)], Eazyki russkoy kul'yury, 1996.
20. *Sannikov V. Z.* (1989), Russian coordinating constructions, Nauka, Moscow.
21. *Wierzbicka A.* (1967), On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish. in To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday, The Hague — Paris: Mouton, pp. 2231–2243.